

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

JOHN R. R.
TOLKIN
II
CORRE
MUSEUM
TUNCELA

Джон Р. Р.

ТОЛКИН

Малые
произведения

СТЕЛЛА
СЕРИИ

Малые произведения

Annotation

«Малые произведения» Толкина. Стихи и сказки, положившие начало эпосе «Властелин Колец», — и совсем другие, «литературные» сказки — тонкие, ироничные и бесконечно философские. Вы полагаете, что знаете Толкина? Поверьте — узнаете вы его, только прочитав его малые произведения.

- [Приключения Тома Бомбадила и другие стихи из Алой Книги](#)
 -
 - [1. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА](#)

БОМБАДИЛА

- 2. ЛОДОЧНАЯ ПРОГУЛКА
- БОМБАДИЛА
- 3. ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СТРАНСТВУЮЩЕГО
РЫЦАРЯ
- 4. ПРИНЦЕССА МИ
- 5. КАК ЛУННЫЙ ДЕД
ЗАСИДЕЛСЯ
- 6. КАК ЛУННЫЙ ДЕД
ПОТОРОПИЛСЯ
- 7. КАМЕННЫЙ ТРОЛЬ
- 8. ПРЫТКИЙ ПЕРРИ
- 9. МАРЫ
- 10. СЛОН
- 11. ФАСТИТОКАЛОН
- 12. КОТ
- 13. НЕВЕСТА–ТЕНЬ

- 14. КЛАД
 - 15. ЗОВ МОРЕЯ
 - 16. ПОСЛЕДНИЙ КОРАБЛЬ
 - notes
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
-

Приключения Тома Бомбадила и другие стихи из Алой Книги

В Алую Книгу включено много стихов. Некоторые из них вошли в эпопею «Властелин Колец» или в связанные с нею повести и хроники, но гораздо большее число стихотворений было найдено на разрозненных листках, а кое-что — в записях на полях и пустых страницах.

Значительная часть этих набросков представляет собой обыкновеннейшую чепуху, часто

неудобочитаемую (даже в тех случаях, когда почерк сам по себе читается легко), или ни с чем не связанные фрагменты. Из таких вот записок на полях и извлечены вирши 14, 11 и 13, хотя лучше всего их характер передают каракули, найденные на странице со строками Бильбо «Когда сквозь муть осенних слез...»:

Под ветром флюгер—
петушок

Никак не может хвост
поднять.

Дрожит продрогший
петушок:

Никак улитки не поднять.

—

Жить тяжело! — флюгер
признает; —

Напрасно все! — петух
поет;

Так стали хором вслух
пенять.

Настоящая подборка составлена из старейших отрывков, в основном касающихся легенд и шуток Графства конца Третьей Эпохи, которые, вероятнее всего, были написаны хоббитами, а именно, Бильбо и его друзьями или их прямыми потомками. Авторство, однако, указывалось редко, поскольку

отрывки эти, не входящие в эпопею, прошли через многие руки и записаны, скорее всего, со слов.

В Алой Книге говорится, что номер 5 — сочинение Бильбо, а номер 7 — Сэма Скромби. Инициалами С.С. помечен и номер 8, что следует признать правильным; номер 10 также помечен С.С., хотя в данном случае Сэм, скорее всего, просто изменил старый стих из забавного бестиария, весьма популярного среди хоббитов, ибо во «Властелине Колец» сам же Сэм ясно говорит, что стихотворение это относится к широко распространенным преданиям Графства.

относится к другому роду произведений, которые очень забавляли хоббитов: сказка или песня, которая, возвращаясь в конце к своему началу, могла повторяться до бесконечности, пока слушателям не надоест. Отдельные образчики подобного рода записаны в Алой Книге, однако большинство их весьма примитивно и не обработано. Номер 3 длиннее и завершнее прочих. Он, вне всякого сомнения, написан Бильбо. На авторство указывает совершенно очевидная связь стихотворения с длинной поэмой, которую Бильбо продекламировал в качестве

собственного сочинения в доме Элронда.

Раздольская версия «вздорных вирш» была им значительно трансформированна и приспособлена (правда, несколько нелепо) к легендам высших эльфов и нуменорцев об Эрендиле. Бильбо очень гордился и версией и оригиналом, поскольку размер их, похоже, придумал сам. Приведенное в этом сборнике более раннее произведение относится, по-видимому, к тому времени, когда Бильбо только что вернулся из своего путешествия. Хотя в нем и заметно влияние эльфийских преданий, оно едва сказывается, да и

использованные в стихотворении имена (Деррилин, Белмариэль, Телламин, Фантазиэль) совершенно не эльфийские, а лишь придуманы в эльфийском стиле. В прочих стихах заметно влияние событий конца Третьей Эпохи и расширение горизонтов Графства благодаря контактам с Раздолом и Гондором. Стихотворение номер 6, помещенное непосредственно за песенкой Бильбо о Лунном Деде, и последнее, номер 16, восходят к гондорским источникам. Они явно отражают обычаи людей, живущих на побережье и привычных к рекам, которые впадают в море. Так, в номере 6 содержится упоминание о

Дивногорье (известный «ветрам всем открытый залив») и о колоколе приморской крепости Тирит–Аэор в Дол–Амроте. В номере 16 говорится о «семи быстрых реках»^[1], что текут к морю в Южном Королевстве, и названо имя на высоком языке Гондора — Фириэль, смертная женщина^[2]. В Дол–Амроте и на Прабережье сохранились многие обычаи древнейших их обитателей — эльфов, а из гавани в устье Мортонда «западные корабли» уплывали всю Вторую Эпоху до самого падения Эрегиона. Таким образом, оба стихотворения являются лишь переделками южных источников, хотя Бильбо мог услышать последние

и в Раздоле.

Номер 14 также связан с преданиями Раздола, эльфийскими и нуменорскими, о героических днях конца Первой Эпохи. Пожалуй, в нем отразилась нуменорская легенда о Турине и гноме Миме.

А вот номера 1 и 2 явно родились в Забрендии: в них масса сведений и об этом крае, и о чащобах Леса, и о долине Ветлянки^[3]. Ни один хоббит к западу от грибных угодий не знает столько. Стихотворения показывают также, что забрендийцы были знакомы с Томом Бомбадилом^[4], хотя, без сомнения, столь же мало подозревали о его могуществе, как

население Графства — о могуществе Гэндальфа. И тот и другой рассматривались хоббитами как доброжелательные личности, быть может, несколько таинственные и непредсказуемые, но и не в последней степени забавные. Номер 1 — более раннее произведение, составленное из различных хоббитанских легенд о Бомбадиле. Сходные предания использованы и в номере 2, хотя доброжелательное подшучивание Тома над его знакомцами обратилась здесь в едкие насмешки, не без юмора, но с оттенком угрозы. Этот стих сочинен, вероятно, много позднее, уже после появления Фродо и его спутников в

жилище Бомбадила.

Собственно хоббичьи стихотворения, здесь представленные, обладают двумя главными общими чертами: пристрастием к иноземным словечкам и к ритмическим или рифмовым сложностям. При всем своем простодушии хоббиты явно уважают такие вещи, как добродетель и любезность, хотя качества эти — в основном лишь имитация учтивости эльфов. Данные стихи также, по крайней мере на первый взгляд, легкомысленны и фривольны, но при чтении временами возникает неловкое ощущение, что подразумевается в них

больше, чем высказывается. Исключение составляет только номер 15, явно хоббитанского происхождения. Это наиболее позднее произведение, относящееся к Четвертой Эпохе, включено тем не менее в сборник, ибо чья-та рука накорябала в конце «Сон Фродо» — весьма любопытная отметка.

Она указывает, что стихотворение (вне всякого сомнения, сам Фродо его не сочинял) ассоциируется с темными, тягостными видениями, посещавшими Фродо в марте и октябре в течении последних трех лет. Но оно созвучно и другим преданиям о хоббитах, зараженных

«безумием странствий», которые, если когда-либо и возвращались, чувствовали себя неладно и неуютно на родине. Море всегда и всюду присутствует на заднем плане в любых хоббитских сочинениях, но страх перед ним и недоверие ко всем эльфийским легендам в Графстве Третьей Эпохи преобладали, и настрой этот не вполне исчез после событий и перемен, завершивших Эпоху.

1. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА БОМБАДИЛА

Жил—был Том Бомбадил —
развеселый малый
В ярко—желтых башмаках, в
синей куртке старой,
И в зеленом кушаке, и в
чулках из кожи,
В острой шляпе, и перо
есть на шляпе тоже.
Он на горке поживал, где
родник Ветлянки
В чашу ручейком сбегал
прямо по полянке.

Как—то летнюю порой
старый Том, гуляя,
В заливных лугах кружа,
лютики срывая,
Травкой щекоча шмелей,
что в цветах гудели,
Засиделся у реки: воды так
блестели...

Борода висит в воде, прямо
как на грех.
Золотинка, дочь Реки, тут
всплыла наверх...
Ловко дернула она. Том в
кувшинки — плюх!
Ну барахтаться, хлебать,
булькать — фух! да ух!

— Эй, Том Бомбадил! Ты
на дно собрался?

Пузырей тут напускал,
тиной расплескался,

Быстрых рыбок разогнал,
диких уток тоже...

Шляпу, глянь—ка, утопил! И
перо к тому же!

— Ты достань—ка мне ее,
милая ундина!

Бомбадилу нипочем
лужица и тина.

А потом назад ныряй в
омут свой тенистый,

Спи себе там средь корней
старых ив ветвистых!

Золотинка ускользнула в
дом подводный, к маме,
Том остался у реки в шляпе
и кафтане.

Он на солнышке присел:
отдых Тому нужен,
Чтоб просохли башмаки и
перо к тому же.

Тут проснулся Старец Ива,
начал песнопенье,
Крепко Тома усыпил под
ветвистой сенью,
В щель тихонько засосал —
крак! — нет двери туже.
Том пропал, и башмаки, и
перо к тому же.

— Эй, Том Бомбадил! О
чем размышляешь?

Посидеть в моем нутре
разве не желаешь?

Щекочи меня пером, а я
воды напьюсь,

И капелью на тебя по
трещинам прольюсь!

— Ну-ка, выпускай меня,
Старец Ива, душка!

Корни старые твои, право,
не подушка!

Пей речную воду всласть,
набирайся силы,

Сон тебе хочу послать, как
ундине милой.

Старец Ива задрожал, речь
ту услыхав, —

Вновь на волю старый Том
вылетел стремглав.

Скрипнув, вмиг сомкнулась
щель, замерла листва...

По Ветлянке вверх пошел
Бомбадил тогда.

На опушке посидел, где и
свет и тень,

Свист и щебет певчих птиц
слушал целый день.

Бабочки вились над ним,
солнце опускалось,

Туч угрюмых пелена в небо
поднималась.

Мелкий дождь заморосил и
вдруг хлынул бойко,
Гладь речную замутил,
пузырей—то сколько!
Том пустился наутек под
тугой капелью
И в укромную нору
спрятался скорее.

Жил в норе Барсук седой,
черные глазищи,
С сыновьями и с женой.
Холм изрыл до днища.
Он за куртку Тома — хватать!
— и скорей в туннели
Поволок, в земную глубь от
передней двери.

В темном тайнике своем
заворчал сердито:

— Ну, Том Бомбадил, вот
теперь мы квиты!

Ты зачем вломился в дом
непрошено—незванно?

Поищи—ка путь наверх!
Будет нам забавно.

— Ну—ка, выводите меня,
Барсук—барсучище!

Землю с лапок отряхни,
вытри нос почище!

К задней двери проводи в
зарослях терновых,

Сам же спать скорей беги,
слов не жди суровых:

Золотинка крепко спит,
Старец Ива тоже.

Препираться мне с тобой,
право, тут не гоже!

Испугались барсуки,
извиняться стали,
Ход удобный к задней
двери мигом показали.
Сами дрожкою дрожат:
юркнули в нору,
Глиной стали затыкать
каждую дыру.

Дождь прошел, в умытом
небе легкой дымки вязь.
Бомбадил домой пошел, в
бороду смеясь.

Ставни настежь распахнул,
в комнату войдя.

Мотыльки тотчас порхать
стали вокруг огня.

А в окошках свой заводят
звезды хоровод,

Тонкий месяц с небосвода
уплывет вот—вот.

Тьма сгустилась над
холмом. Том свечу берет,

К двери по скрипучим
доскам с песнею идет.

Холодомдохнула ночь: —
Слушай, Бомбадил!

Зря ты о Могильном Духе,
весельчак, забыл!

На свободе я опять, из
кургана встал,
Где источенных камней
щерится оскал.
Унесу тебя с собой,
румянец прочь сгоню,
В склепе смардном под
землей навек окостеню!

— Прочь! Немедля дверь
закрой! Сгинь в немую
тьму!

Слушать твой загробный
хохот Тому ни к чему!

В землю, скрытую травой,
кости уноси!

Золотинка видит сны, спят
и барсуки,

Старец Ива задремал, и
тебе спать вскоре.

Клад могильный свой
храни и бывшее горе!

Дух Могильный тут

вздохнул, тяжело застонал,
И в окошко с воём выплыл,
темной тенью стал,
Прочь помчался над
холмом, словно филин—
тать,
Чтоб в кургане одиноком
ребрами стучать.

Бомбадил же лег в кровать,
по уши укрылся,
Крепче Старца Ивы мигом
в дрему погрузился,
Носом начал выводить
звонкие рулады.
Так уютно, сладко спать все
бы были рады.

На рассвете он вскочил,
песней солнце встретил,
Сыр бор, волглый дол в
песне той приветил,
Быстро куртку натянул и
чулки из кожи.
Где же шляпа? Здесь. Перо
есть, конечно, тоже.

Вот он, Том Бомбадил,
развеселый малый,
В ярко—желтых башмаках, в
синей куртке старой.
Тома похищать никто
больше не желает,
По Ветлянке, по холмам, в
чаще он гуляет,
В лодке плавает своей,

нюхает кувшинки...

Но однажды старый Том
похитил Золотинку.

В тростниках ундина пела
матери напевы,

Кудри пышною волною
стан скрывали девы.

Крепко обнял Том ее. Ну
переполох!

В рассыпную удирают
выдры, как горох,

Цапли в крик, тростник
трепещет, дева вся
дрожит... —

Душенька, пойдешь со
мною! — Том ей говорит:

—

Стол накрыт: там желтый
мед, белый хлеб и масло,
В окнах розы и жасмин,
значит, все прекрасно.
Позабудь родных озер
мокрые цветы,
Здесь любви тебе не
встретить и не обрести!

Свадьбу весело и споро
Бомбадил сыграл,
Пел, свистел, играл на
скрипке. Шляпу, кстати,
снял.
В праздничный венок он
вплел желтые кувшинки.
Было искристо–зеленым
платье Золотинки,

Ирисы и незабудки в
волосах синели.

Бомбадил с невестой
милой рядышком сидели.

Ламп уютен желтый свет, а
постель бела,
Золотистая, как мед,
выплыла луна.

На лужайке под холмом
пляшут барсуки,
Старец Ива тянет к окнам
веточки свои.

Тихо в сонных тростниках
Мать—Река вздыхает,
Слушая, как Дух
Могильный стонет и
рыдает.

Бомбадилу нипочем все
ночные звуки:

Трески, вздохи, шепоток,
шорохи и стуки.

На рассвете он вскочил,
песней солнце встретил,
Сыр бор, волглый дол в
песне той приветил.

На пороге он сидит,
хлопает лозинкой,
Рядом золотые кудри чешет
Золотинка.

2. ЛОДОЧНАЯ ПРОГУЛКА БОМБАДИЛА

Начал старый год желтеть,
Запад ветер шлет,
Листьев бука видит Том
медленный полет.

— Что ж, пусть ветер гонит
прочь летние деньки,
Том не будет ждать тепла,
сидя у реки!

Лучше лодку починю: пусть
она плывет

По Ветлянке вниз, а там —
как уж повезет!

Птичка села на сучок: —
Слышу, слышу Том!
Знаю, знаю, что тебя манит,
гонит вон!
Полечу и просвищу, пусть
встречает он!

— Цыц, болтушка! Вмиг
тебя ощиплю и съем,
Чтоб секреты ты мои не
носила всем.
Если скажешь Старцу Иве
куда Том плывет,
То зажарю на лозинке! Вот
что тебя ждет!

Иволга, тряхнув хвостом, с

ветки: — Фьюти-чу!

Излови, и жарь потом! А я
улечу!

Кому надо на ушко вестку
прошепчу:

«К Сходу вечером спустись,
не ложись в кровать!

Торопись! Торопись! Время
пировать!»

Улыбнулся старый Том: —

Мысль—то неплоха!
Тот иль этот выбрать путь?
Поплыву туда!
Лодку быстро залатав,
весла он поставил,
Из укромной бухты в реку
нос ее направил,
В камышах нашел дорогу, в
гуще ивняка,
Где, чуть выше, с суши в
воду клонится ольха.
По теченью Том поплыл с
песней: — Тилли—велли!
Ну, Ветлянка, обходи омуты
и мели!

— Эй, Том Бомбадил, куда
уплываешь?

Ты про что в своей
лодчонке песни
распеваешь?

— Может быть, в
Брендидуин вынесет
Ветлянка,
Там друзья у камелька близ
Сенной полянки.
Добрый маленький народ
бед лихих не знает,
Временами Бомбадил к
ним в гости наезжает.

— Передай привет родным,
вести привези!
Кстати, не забудь узнать,
где лучше караси!

— Вот еще! — смеется
Том. — Ишь какой хитрец!
Я сейчас гребец, зевака,
только не гонец!
— Ах, ты так, нахальный
Том?! Плавает, скажи-и-те!
На корягу чтоб наткнулся
ты в своем корыте!

— Ну-ка, придержи язык,
Голубой Удод!
Важничает тут на ветке —
прямо знатный лорд!
Рыбьей косточкой пригладь
алый галстук свой,
После в грязное гнездовье
улетай, домой!
Видел я, что раз удода

раздевали галки:
Живо перья ободрали. И
конец рыбалке!

Клюв захлопнул вмиг Удод,
и глаза прикрыл,
Тут проплыл под самой
веткой в лодке Бомбадил.
Живо в небо взмыл
разбойник: фр–р, и нет его,
Только в спешке обронил
синее перо.
Том поймал его, подумал, к
шляпе прикрепил:
— Старое поизносилось!
Цвет же очень мил.

Забурлила вдруг вода, круги

бегут везде.

Том весло взметнул и —
шмяк! — чью-то тень в
воде.

— Фух! Том Бомбадил!
Здрасте, добрый вечер.

В лодке, чай? Ну, окуну за
такую встречу!

— Ты кому грозишь, усач?
Я ж верхом вскочу,
Крепкой хваткой на спине
шкурку-то спущу!

— Фи, Том Бомбадил!
Мигом уплыву,
Маме, папе, сестрам,
братьям новость прореву:
«Том совсем с ума сошел!

Надо ж по Ветлянке
Выгребает, ноги врозь, в
старенькой лоханке!»

— Я Умертвию тогда запах
выдры дам!

В кольцах желтых
посидишь год—другой, а там
Мама сына не узнает даже
по усам.

Молод Тома задирать ты!
Хныкать будешь сам.

— Вух! — профыркал
недопесок, мордою мотнул,
С громким всплеском под
кормою ловко поднырнул.
Брызги Тома окатили,
лодка заплясала...

Прятался усач, пока песня
затихала.

Остров Эльфа миновал
Том, глядь — за ним
плывет

Лебедь гордый, хмуро
смотрит, клекот издает.

Том смеется: — Старый
ковш! Что, пера не видишь?
Поистерлось! Дай другое!
Тома не обидишь.

Длинношей! Ишь, фырчит,
словно в горле ком!

Научись речам учтивым,
песни пой потом!

Коль воротится Король,
твой надменный вид

Он в пруду своем клеймом
мигом усмирит!

Лебедь громко зашипел,
крылья распустил,
Начал лодку догонять...
Только Том уплыл!

А Ветлянка унесла к устью
Бомбадила,
У порога там она пеной
забурлила.
В брызгах бешеной реки
лодка, словно пробка,
До причала донеслась
прямо к Загородке.

— Эй, гляди! Том Лесовик
— борода лопатой

К Брередону, братцы, мчит!
Все сюда, ребята!
— Берегись! Лесных гостей
мы не привечаем,
Нарушителей границы
стрелами встречаем!
Переплыть Брендидуин
здесь никто не смеет!
— Фу, обжоры! Бомбадил
просто вас жалеет!
Помню, стоило козе рядом
показаться,
Хоббиты вмиг принимали
в землю зарываться.
Прячетесь, коль тень свою
ночью углядите,
Орков, вот, на вас нашла —
мигом убежите!

— Ладно, Лесовик, болтай,
раз не из пугливых:
В шляпе старенькой твоей
три стрелы красивых!
В Брередон—то ты зачем?
Коли за пивком —
Бочки наши глубоки!
Ляжешь под столом!

— Нет, в Ивлянку думал я к
вечеру попасть,
Да стремнина тут такая —
как бы не пропасть!
Если ялик мне дадите, вас
благословлю,
Много дней счастливых,
тихих хоббитам пошлю!

Алым вспыхнула вода и
темной притворилась,
Как за Западным Уделом
солнце закатилось.

Схода лесенка пуста,
пристань в дымке тает...

Том бурчит: — Ну и дела!
Весело встречают!

В темноте по тракту он
долго пробирался:

В Камышном свет
замелькал; скрип колес
раздался.

«Кто тут?!» — оклик
слышит Том, да ухом не
ведет —

Пони стали, ну а он знай себе бредет.

— Гей там! Ты зачем, чужак, шляешься без спросу?

Уж давненько к нам бродяги не казали носу.

Стрелы в шляпе, — знать, тебя кто-то уж застиг

На участке. Подь сюда! Чего тебе, старик?

Коли думал нашим пивом поживиться без гроша, —

Двери будут на запоре, не получишь и глотка!

— Тихо, тихо,

шерстолапый. Худо ты
встречаешь!

Обленился! В нужный час
выйти забываешь!

Ах ты, старый толстый
плут! На ходу пыхтит, —
Так с повозки (ну мешок!)
встречным всем хамит.

Ой, смотри! В чужие дали
песней уведу!

Впрочем, нищий не
разборчив: стерпит и
балду!

Ладно, чудик, руку дай.
Кружка за тобой!

Друга в сумерках узнать
мог бы, милый мой!

Из харчевни вкусный,
сытный запах выплывает,
Но Бирюк свою повозку
мимо направляет:
По проселочной дороге с
грохотом промчался,
Бомбадил в его тележке
прыгал и качался.
Звезды на небе сияют, в
кухне лампа светит,
Чтоб ночной скиталец
сразу мог ее приметить

Все домашние отца у
дверей встречают,
Кланяются сыновья, дочери
приседают,
Жена кружки подает, гостя

ВВОДЯТ В ДОМ...

Дальше ужин, много песен,
шуток, а потом

Танцы просто до упаду.

Скачет сам Бирюк!

В смех жена, а Том за
трубку, дочки пряжу вьют.

Поздно спать все
разошлись по лавкам и
кроватям.

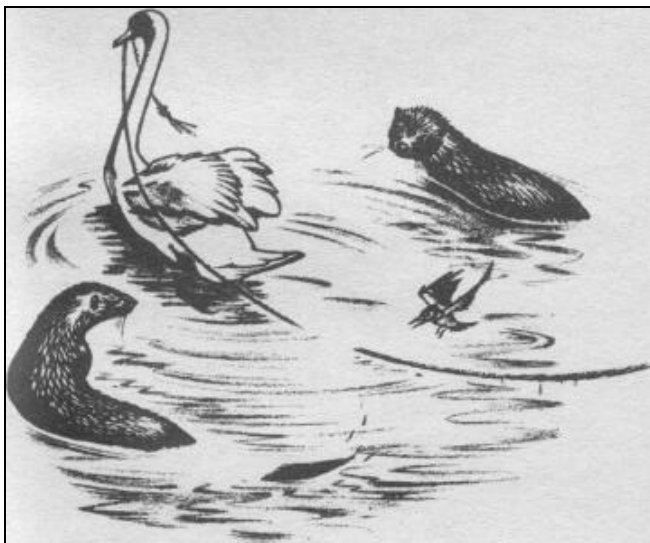
Том, Бирюк сидят вдвоем:
долго толковать им
О холмах и старых башнях,
скалах и пригорках,
Хлебных всходах, ячмене,
сее и уборках,
О кузнечном ремесле,
ценах и помолах,
И о Пригорянских
сплетнях, случаях веселых,
Шорохе ночной листвы,
ветре в соснах длинных,

Гордых Стражах у Реки, о
тнях трясинных.

Наконец Бирюк заснул;
спит огонь, спит дом,
Рано утром Том исчез, как
невнятный сон:

Грустный и смешной, к
тому ж с неким смыслом
тайным.

Ливень смыл его следы,
быстрый дождь случайный.
У Схода не был Бомбадил и
на Сенной полянке
Не появлялся, песен звук не
несся по Ивлянке.

Три дня у пристани одна
его лодчонка мокла,

А как-то на заре ее свели
от Загородки.

Видали хоббиты: с утра там
выдры суетились,

Разгрызли фалинь, а потом
к Ветлянке удалились.

Остров Эльфа показался.
Лебедь тут как тут:

В клюв бечевку взял, а
лапы знай себе гребут.

Гордо лодку поволок он,
выдры плыли рядом,

Старца Иву не тревожа ни
волной, ни взглядом.

Голубой Удод уселся важно
на носу.

Иволга с кормы свистела
фьюти-тьюти-тю

В бухту Тома дотащили
весело лодчонку.

— Рыбка—то без плавников!

— усач заметил тонко.

Вот тебе и тилли—велли!

Позабыли весла!

Ох, нескоро от причала
старый Том унес их!

3. ПРИКЛЮЧЕНИЯ СТРАНСТВУЮЩЕГО РЫЦАРЯ

Жил бродяга—весельчак,
Он гонец и он моряк.
В новой лодке как—то раз
Апельсин себе припас,
Взял овсянку также он,
Майоран и кардамон,
Лодку всю раззолотил
И лавандой надушил.

Ветры странствий он
позвал
И наказ им крепкий дал:

За семнадцать рек нести
Лодку, к цели привести.
Берег он достиг один,
Где клокочет Деррилин.
Скалы, что поток несут,
Счет лет к вечности ведут.
По траве лугов пришел
В тень, где мрачный
косогор
В горы вел, и по горам
Он блуждал то там, то сям.

Сел на камень и запел,
Что остался не у дел.
Бабочка летела мимо,
Он назвал ее красивой,
Попросил развеять грусть,

Отказала. Ну и пусть!
Стал он магию учить,
Как ковать, как ткать и
шить.

Чтобы бабочку поймать,
Дымку—ткань сумел
соткать,
Жучьи крылья сшил из
кожи,
Ласточкины сделал тоже.
Он догнал ее, смутил,
В паутинку изловил.
Лилии цветок сорвал,
Из него шатер создал.
На кровать им дал цветов
Молодой чертополох.
Платье свадебное было

Ослепительно красиво.

Самоцветные камни
Он низал ей в ожерелье...
Но шалуныя прихотлива,
Легкомысленна, сварлива,
—

От домашних громких ссор,
Грустный, в горы он ушел.
Все обдумал, встрепенулся,
Улетел и не вернулся.

Он на ласточкиных
крыльях

Много островов обильных
С ноготками, с родниками
Пролетел — и до свиданья!

За море в Белмариэль,
Телламин, Фантазиэль
Он уплыл, чтоб воевать
И набегу совершать.

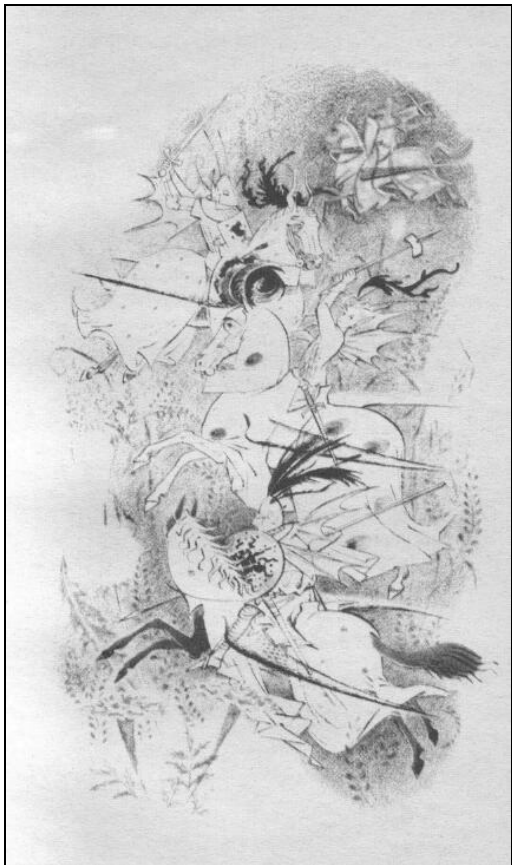
Белый шлем и алый щит,
Изумрудный меч блестит
Яркой молнией в глазах,
Всем соперникам на страх.
С эльфами волшебных

стран

Рыцарей он побеждал,

С пылкой яростью в очах

Звавших биться на мечах.

Панцирь был из хрусталя,
Ножны — цвета серебра,
А копье из эбонита,
Стрелы же из малахита.
Он стрекоз всех покори́л,
Парадиз освободил.

После бился с рогачами,
Пчелами и усачами,
Ценный приз завоевал:
Золотые Соты взял.
На кораблике—листочке
Под навесом из цветочка
Песнь победы распевал
И доспехи начищал.

Одинокий островок
Чем-то вдруг его привлек.
Там была лишь тишина
И цветущая трава.
Побродив совсем немного,
Он отправился в дорогу,
И вернулся наконец
В дом свой, мешкотный
гонец.

Только странствуя, любив,
Массу подвигов свершив
Из последних самых сил,
Он забыл, зачем ходил!
И пришлось бедняге снова
Выводить свою гондолу...
Он же просто весельчак,
Путник вечный и моряк.

4. ПРИНЦЕССА МИ

Милее, чем Ми,
Принцесс не найти.
И эльфы пели о ней:
Кудри увиты
Жемчуга нитью,
Но перлов этих светлей
Золотое шитье
Тонкой шали ее,
Вкруг шейки звезды
блестят.
Светится дальним
Лунным сияньем
Малютки воздушный
наряд.
Прозрачной слезой,

Алмазной росой
На поясе камни горят.

Под серым плащом
Скрывается днем,
И темен ее капюшон.
Но светлую искрой,
Яркой, лучистой,
Ночью сверкает потом.
Туфли малютки
Тонки и хрупки,
Но быстро мелькают они
По озерному льду.
На зеркальном полу
Танцует принцесса Ми.
То плавно кружит,
То словно летит,
И звон хрустальный идет,

Когда ее ножка,
Помедлив немножко,
Встречает прозрачный лед.

Ночной небосвод
Над бездною вод,
И темны вокруг берега.
В танце кружа,
Нагнулась она:
Под нею легка и мила
Кружится Ви,
Прелестна, как Ми,
И смотрит ей прямо в
глаза.

Одета как Ми
Прекрасная Ви,
Но чудо - плывет она

Вниз головой
Под темной водой,
И нет у колодца дна.
А Ви дивится:
Как может случиться,
Что Ми без поддержки
плывет

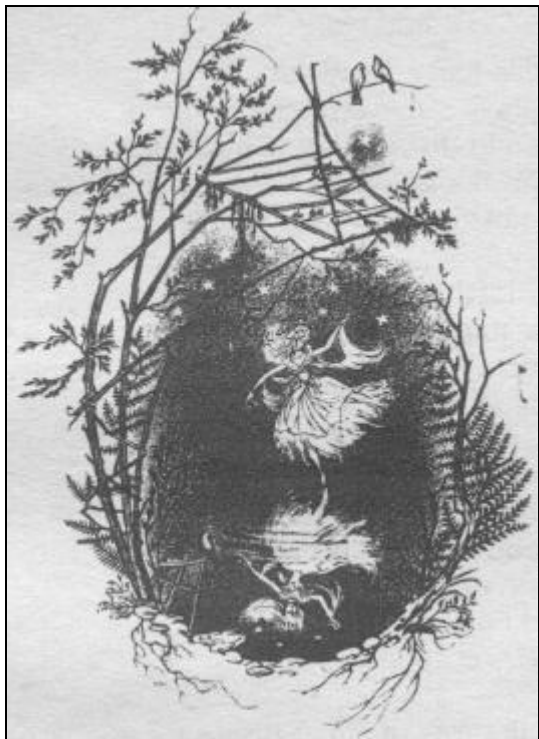
Вниз головой
Над темной водой,
Там, где звезд хоровод?

О, как же тут быть?
В небо уплыть
Не может никто из них.
На звонком льду,
Зеркальном полу
Смыкаются туфельки их.
Но нет той земли,

Где бы могли
Вместе быть Ви и Ми.

И вот, как всегда,
Принцесса одна,

И пляшет, как прежде она:
В древнем обряде,
С блеском во взгляде,
В лунном наряде
Искоркой кружится Ми.
В лунном наряде,
С блеском во взгляде,
В древнем обряде
Искоркой кружится Ви.

5. КАК ЛУННЫЙ ДЕД ЗАСИДЕЛСЯ

Там, где вверх идет бугор,
Добрый постоянный двор
Пивом славен на весь свет.
Как-то ночью Лунный Дед
Заглянул на ор.

А у конюха был кот,
С пьяных глаз пиликал тот:
То мурлыкал, то пищал,
То так просто струны драл,
Потешал народ.

У трактирщика был пес,
Шутки тот любил всерьез:

Там, где началась потеха,
Просто умирал от смеха,
И на брюхе полз.

И корова там жила,
Гордо голову несла,
Но от музыки дурела,
Как от эля, свирепела,
И в присядку шла.

Украшал воскресный стол
Там серебряный прибор:
Были в нем большие ложки,
К ним под пару также
плошки
Радовали взор.

Вдрызг напился Лунный

Дед,
Начал кот урчать,
Ложки—плошки на столе,
Пес с коровой во дворе
Принялись скакать.

Лунный Дед еще хлебнул,
И отправился под стул.
Хмель свой засыпает,
А меж тем светает,
Ветерок подул.

Конюх тут и говорит:
— Кот, а в небе—то горит!
Кони Деда ржут с испуга,
Их упряжка держит туго,
А хозяин спит!

Кот так громко заиграл,
Что и мертвый бы тут
встал.

Скрипка все быстрее поет,
Конюх пьяницу трясет:
— Дед! Никак проспал!

Покатили старика по холму,
Зашвырнули второпях на
луну,

А коней упряжка вслед
побежала,

А корова, как олень,
прискакала

И запела прямо в такт: —
М—му—у!

И еще быстрее стала

скрипка напевать,
Пес не выдержал и начал
подвывать,
Кони на головы встали,
Постояльцы повскакали
И давай плясать!

Струны лопнули со звоном
под смычком,
Вверх подпрыгнула корова
кувырком,
И взлетела легче мошки,
А в серебряные плошки
Улеглись простые ложки.

Укатилась тут луна за
бугор,
Солнце кинуло на землю

свой взор:

— Что такое? Время, вроде,
вставать,

Ну а все идут, зевая, в
кровать?

Засиделся постоянный этот
двор!

6. КАК ЛУННЫЙ ДЕД ПОТОРОПИЛСЯ

У Лунного Деда опаловым
светом

Лучится корона и борода,
Одежды мерцают и жемчуг
сверкает

Вкруг вышитого кушака.

Но в сером плаще он
угрюмо бродил,

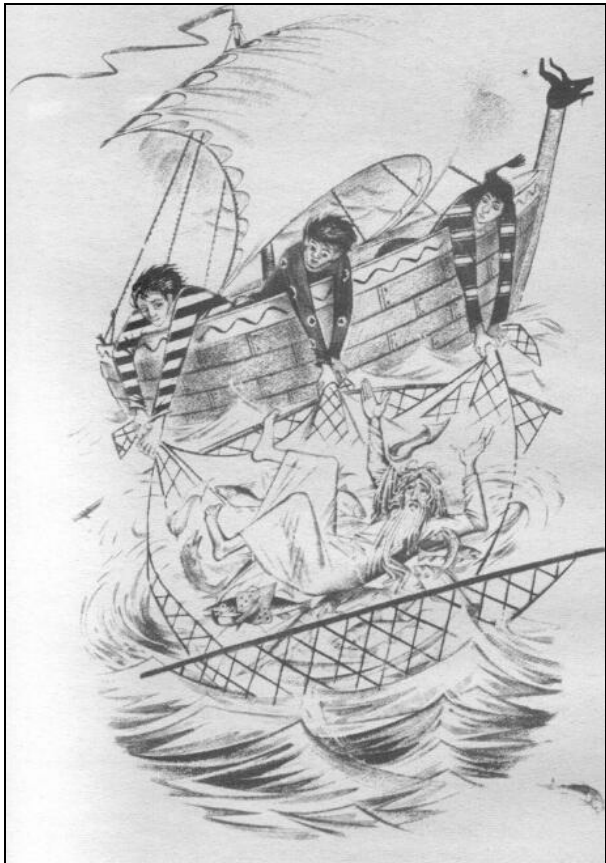
Верь ты мне иль не верь,
И хрустальным ключом
наконец отворил

Из кости слоновой дверь.

Вздохнув тихонько,
спустился легонько
По лестнице тонкой и
кружевной.
Здесь он спокоен и очень
доволен
Своей затеей шальной.
К блеску алмазов он вкус
потерял
И устал от башни своей,
Сияющей светло среди
палевых скал
На голой лунной горе.

Дед все отдать рад за рубин
и гранат
Для бледной короны своей,

За синий сапфир, изумруд
и берилл,
И искры цветных камней.
Очень скучно к тому же
всегда одному
Взирать на мир золотой,
Который, гудя и стирая
тьму,
Кружится над головой.

При полной луне в живом
серебре
Огонь он увидеть мечтал:
Вместо белых лучей
бесцветных камней
Чтоб красным и теплым
сиял,
Багровый и алый, и цвета
жара,
И чтобы жгли языки,
И чтобы сверкало, как
пламя пожара,
Небо бурной зари.

У Деда есть синь

прозрачных глубин,
Цвет дальних лесов и
покой...

Грезит он в тишине о
людской суете

И крови багряной людской.

Он песен хотел, и смех
чтоб звенел,

Горячей еды и вина,

Снежинки глотая и их
запивая

Призрачным светом луча.

Мечтая о мясе и пуншевой
чаше,

Под ноги Дед не глядел,

И с лестницы скользкой
старец неловкий

Как метеор полетел.
Падучей звездой в ночи
голубой
Сверкнул он, падая вниз,
И угодил, брызнув пеной
морской,
В ветрам всем открытый
залив.

Чтоб не раствориться и не
утонуть,
Он начал вздыхать о луне,
Но тут рыбаки бедолагу
нашли
Качающимся на волне,
Закинули невод и быстро
на борт
Втянули нежданный улов.

А Лунный Дед светом
зеленым мерцал,
И вода текла с рукавов.

Против воли, его опять
одного

С рыбой на берег свезли.

«Ступай, куда надо. Город
тут рядом," — Сказали, и в
море ушли.

Помочь старику дела нет
никому,

Лишь колокол тренькнул
раз,

Отметив, что он тут бродит
кругом

В неподобающий час.

Погашен весь свет, и
завтрака нет,
Знобка рассветная марь,
Пепел вместо костра, и
грязь, не трава,
Вместо солнца — в проулке
фонарь.

Никто не идет и никто не
поет,
Слышен лишь храп из окон.
Люди в кроватях, рано
вставать им,
Смотрят свой утренний
сон.

Дед бился в ворота,
закрытые плотно,
И тщетно в окна кричал.

Но вдруг огонек к трактиру
привлек,
Старец тихо в косяк
постучал.

Трактирщик тут сонный
глянул из дома,
Спросил: — Что угодно
вам?

— Песен, огня и бочонок
вина,
Чтоб красным текло по
усам!

— Здесь этого нет, —
пройдоха в ответ,
Кинув свой хитрый взгляд.
— Но коли хотите, внутрь
заходите,

За плату служить буду рад.
Серебро тут Дед дал, чтоб
щеколду поднял,
Опал, чтоб он в двери
пустил.
Хозяин все строже: раз в
двадцать дороже
За стул и камин запросил.

А уж за еду пришлось
старику
Корону и плащ отдать.
Овсянки холодной ложкой
негодной
Дали взамен похлебать.
Черный от сажи горшок
старой каши—Право, не
пудинг из слив.

Мир—то земной по
сравненью с луной
Издали только красив!
Слишком рано пришел Дед
за праздничный стол,
Больно уж он тороплив.

7. КАМЕННЫЙ ТРОЛЬ

На каменном стуле в
пещере пустой
Троль с чавканьем кости
жуёт.

Жуёт их и гложет год
целый, быть может,
Ведь мясо само не придет!
Давай! Глотай!
В горной пещере один он
живёт,
И мясо само не придет.

Пришлепал тут Том в
больших башмаках,

Сказал:«Эй, плати за ту
кость, что в руках!

Ведь это мосол от
дядюшки Тима,

Давно уж его поглотила
могила!

Помост! Погост!

Уж с год, как у нас не
видели Тима.

Я думал, его поглотила
могила.»

А тролль говорит
пареньку:«Погоди!

Я их стащил, значит, кости
мои!

Нельзя, что ли, вволю
несчастному троллю

Дохлого дяди мосол
помусолить?!

Уплесть! Унесть!

Можно ж бедняге старому
троллю

Бесплатно с погоста кость
помусолить?!»

Но Том: «Ты болтать—то зря
прекрати!

Украл наши кости — так
живо плати!

Дядин скелет — не
бесплатный обед,

Так выкладывай старые
кости!

Гони! Верни!

Дядин скелет — не

бесплатный обед,
Так выкладывай старые
кости!»

Троль ухмыльнулся и Тому
в ответ:

«Я и тебя съем за пару
монет!

Могу и задаром сожрать до
костей,

Свежее мясо глотать
веселей!

Гляди! Беги!

Могу и задаром сожрать до
костей,

Свежее мясо глотать
веселей!»

Но только собрался он
Тома схватить,
Обед между пальцев утек:
Увертливый Том любил
пошутить
И дал ему добрый пинок.
Пригнись! Берегись!
Увертливый Том любил
пошутить
И дал ему добрый пинок.

Но мясо и кости покрепче
скал
У тролля, что кости в
пещере глодал.
Троллиный зад не почуял
пинка,
Будто ударили в бок валуна.

Ой–ей! Ну и вой!
От смеха схватился Тролль
за бока:
Чтоб пальцы спасти, мало
тут башмака!

Еле до дома Том дохромал:
Распухла нога — аж
башмак не влезал.
А троллю забава вышла на
славу,
И кости остались за ним
по–праву.
Пинок! Не впрок!
Троллю забава вышла на
славу,
И кости остались за ним
по–праву!

8. ПРЫТКИЙ ПЕРРИ

Троль одинокий на камне
сидит

И грустную песню поет:

«Ну почему же всегда я
один,

И никто ко мне не придет?

Всеми покинут я в Дальних
Холмах,

О родичах слуху нет

Ни на Заверти, ни на
морских берегах,

Уж в памяти стерся их
след.

Не пью я пива, и мяса не ем,
И денег не надо мне,
Но в ужасе люд запирает дверь,
Завидев меня в окне.
О, если б поступь вдруг
стала легка,
Чтоб все не крушить за собой!
Но сердцем ведь добр я,
улыбка светла,
И повар я неплохой!

Нет! Хватит! Не стану я
больше хандрить!
Средь хоббитов друга
найду!

Помягче ступая, чтоб не
навредить,
Край их весь—весь обойду!»
И этой же ночью
отправился он
В своих меховых башмаках,
К утру дошагал до
Глубоких Нор,
А там уже все на ногах.

Навстречу ему по проулку
идет
Миссис Пышка с корзинкой
в руке,
И новенький зонтик важно
несет.
Троль скромненько стал в
уголке.

«Привет вам, мадам! И
добрый вам день!
Как ваши идут дела?»
Но с визгом старушка
метнулась за дверь
От страха едва жива.

А рядом староста Пуфф
гулял,
Но только шум услышал —
С испугу малиново—
розовый стал
И живо в норку удрал.
Троль огорчился, но, боль
затаив,
«Останьтесь!» — пытался
сказать.
Да миссис Пышка, про

зонтик забыв,
Забилась уже под кровать!

Пошел тролль на рынок,
Но только его овцы в щель
углядели,
Как мигом снесли дощатый
ларек,
А гуси на стену взлетели.
Тут фермер Свин кружку
пива пролил,
Схватился за нож Билл—
мясник,
А пес его Хват, свирепым
хоть слыл,
Удрал, хвост поджав, в тот
же миг.

Уселся бедняга у входа во двор,
Заплакав в горькой тоске.
Малыш Прыткий Перри
залез на забор
И его потрепал по башке:
«Чего разреvelся,
гигантский чурбан?
Внутри—то похуже, чем
здесь!» —
И дружеский троллю
отвесил удар.
Тот в улыбке расплылся
весь.

Воскликнул: «Перри, мой
дорогой!
Скорей прыгай на спину

мне!

Галопом умчу я тебя,
мальчик мой,

На чашку чая к себе!»

Мальчишка взлетает на
плечи к нему:

«Поехали! Я готов!»

Пришлось этой ночью у
тролля ему

Немало уплесть пирогов.

Там был и бисквит, и
воздушный крем,

Но Перри старался умять

И кекс, и сливки, и
сливовый джем,

Хоть стала куртка трещать.

Пел котелок, и грел

камелек,
Ужин удался всем,
Перри взялся за отличный
чаек,
И чуть не утоп совсем.

Наевшись по горло,
спокойно друзья
Смотрели, как уголь горит.
«Хочешь учиться готовить,
как я?» —
Тролль пареньку говорит7
—

«Делать печенье и
кремовый торт,
И хлебцы, что тают во рту?
Возьми на ночь плед
потеплее, вон тот,

А урок начнем по утру!»

«Эй, Перри, где был ты?»
— спросили его.

«На чае! — сказал он в
ответ. —

Там кремовый торт был
вкуснее всего,
Но и к кексам претензий
нет.»

«А где угощали-то? В
наших краях?

Иль съездил в Пригорье
само?»

Но Перри не мальчик в
таких делах:

«Сболтнуть вам? Еще
чего!»

«Я знаю! — пронырливый
Джек закричал, —
Я знаю отлично «где»!
Он к Дальним Холмам
вчера ускакал
На старого тролля спине!»
Тут валом в дорогу народ
повалил:
В телегах, на пони,
пешком, —
Туда, где, по—слухам, уж
долго тролль жил,
Где вьется дымок над
холмом.
В ворота они принялись
колотить:
«Пожалуйста, выйди к

гостям!

И кремовых кексиков два
или три,

А можно и больше, дай
нам!»

«Ступайте! Гостей я
сегодня не жду!

И их приглашаю я сам!

А торт мой я только для
Перри пеку,

И только по четвергам!

Толпе такой в домик мой
не войти.

Ишь, подняли шум и гам!

Все сласти Перри успел
уплести,

И их не оставил он вам!

А вас, миссис Пышка,
Пуфф, Джек и Свин
Я видеть совсем не хочу!
Нужен мне только лишь
Перри один,
Всех прочих и в дверь не
пущу!»

Наш Прыткий Перри
совсем растолстел
От крема, и торта, и
сливок,
Сюртучные пуговицы не у
дел,
А шляпа ползет на затылок.
И каждый четверг он у
тролля в гостях
Поваренка играет роль.

Все выше становится, шире
в костях,
И все меньше кажется
тролль.

Скоро известным он
пекарем стал,
От Пригорья до Моря поют,
Что хлеба румяней никто
не встречал,
Булоч лучше нигде не пекут.
Но кремовый торт,
признает Перри сам,
Вкуснее того не бывает,
Каким тролль доныне по
всем четвергам
К чаю его угощает.

9. МАРЫ

Мар жилище скрывают
тени
сырые и гуще чернил,
И глухо сипит звонок у их
двери,
когда вас глотает ил.

Да, ил поглотит того,кто
смел
Нарушить их мертвый
покой
И жижа,где скалятся морды
химер,

Сомкнется беззвучной
волной.

С топких, вонючих речных
берегов
Ивы свисают к воде
Цапли стоят средь больных
тростников,
Каркая хрипло во сне.

Сквозь горные стены
нелегок ваш путь
К трясине; деревья там
серы и стары,
По краю бучил, где тина и
муть,
От луны и от солнца
скрываются Мары.

Кельи, в которых Мары
сидят,
Глубоки, темны, холодны.
Тусклые свечи там слабо
коптят,
Там клады скрывают они.

Стены их мокры, капель с
потолка,
И тихи—тихи шаги,
Слышится только лишь
«криппи—крип—кра»,
Когда к двери крадутся
они.

Дверь приоткроют всего на
вершок —

И цепкие пальцы ползут...

Встретивши гостя, в
слизкий мешок

Свежие кости кладут.

Сквозь горные стены
напрасно бредете

К трясине, где в тине
деревья гниют.

В ржавом болоте Мар вы
найдете

А Мары пищу найдут.

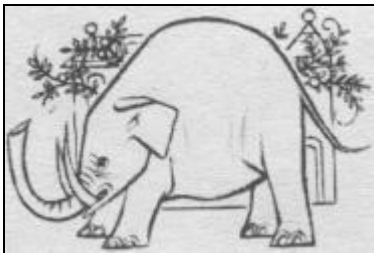

10. СЛОН

Как мышь сер мой бок
И как дом я высок,
Нос — как большая змея,
И тяжело вздрагивает земля,
Когда я топчу траву.
Деревья трещат, когда я иду,
Шевеля большими ушами,
Жизнь свою не меря
годами.
Могучая поступь окрест
слышна,
На землю я не ложусь
никогда,
Даже когда умру.
СЛОНОМ я себя зову,

Тварей прочих крупнее,
Больше, выше, старее.
Если увидишь меня ты,
Никогда не забудешь меня
ты.

Но если не видел меня ты,
Никогда не согласишься в
меня ты,
Хоть старым слоном себя я
зову
И никогда я не лгу.

11.

ФАСТИТОКАЛОН

Смотрите: вот он,
Фаститокалон,
Как остров, зовущий
пристать,
Хоть несколько гол он;
Оставим же волны!
Давыайте на нем
танцевать,
На солнце лежать и просто
скакать,
Ведь чайки садятся туда!
О, да.
Им не страшна вода.
Они здесь сидят, гуляют,

галдят,
Их дело — глупцам
намекнуть,
Что можно здесь жить,
Иль просто побыть,
От брызг морских
отдохнуть,
Спокойно поспать, кипятка
похлебать...
Безумен, приставший к
НЕМУ,
И кто костерок, не
подумав, разжег
В надежде на вкусный
чаек:
Пусть шкура, как рог, но
жжет огонек,
И сон ЕГО не глубок.

Качается он на волне,
С чайками на спине,
Но лишь почует ног
топоток
Иль жар, сменивший былой
холодок,
С ухмылкой сквозь сон
Ныряет ОН
Проворно брюхом вверх,
Топя в пучине всех,
Поймав невежд врасплох.
Ну и подвох!
Об этом знай и не зевай!
Немало других есть чудищ
морских,
Но всех опаснее ОН,
Старый Фаститокалон;
Из древнего рода Больших

Черепях

Остался один морякам он
на страх.

И если вам жизнь дорога,
Совет мой таков: завет
стариков

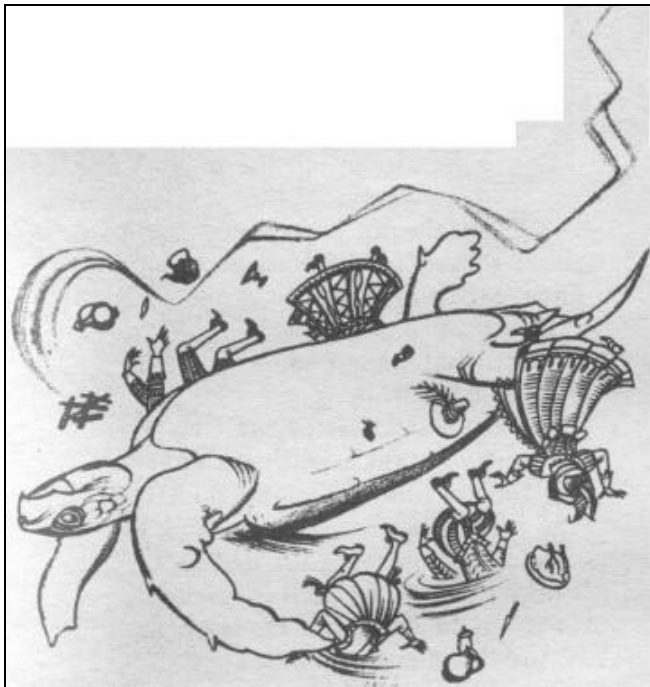
Не нарушать никогда!

Пусть на неведомый остров
ваша не ступит нога!

А лучше всего

Не ходить далеко

И дни проводить в веселье
На берегах Средиземья!

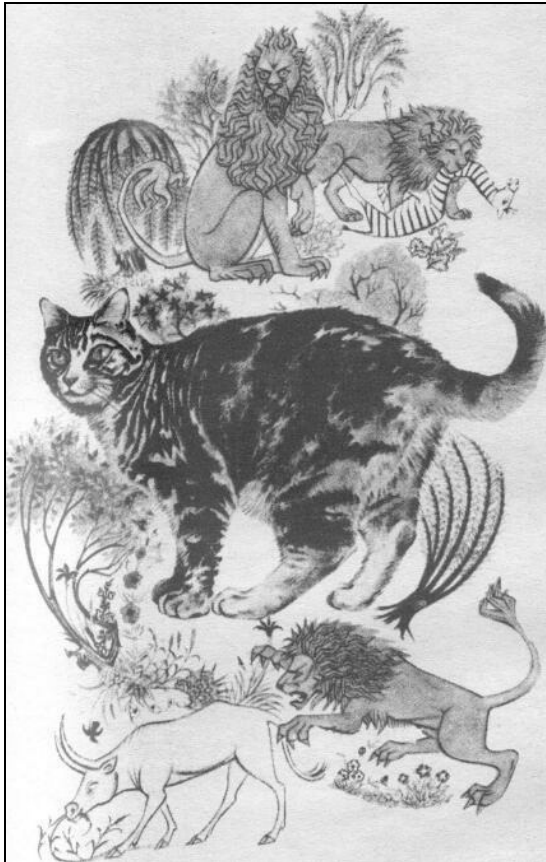
12. КОТ

Вон тот жирный кот
Спит на диване.
Мышь видит он или же сон
О свежей сметане.
А может мечта его увела
Свободным и гордым
В край, где мявчат, дерутся,
рычат
Похожие морды
Ловки и дики, стройны и
хитры...
Или в берлогу:
Люди с докучной заботой
туда
Проникнуть не могут.

Сильные львы огромны,
страшны,
Кровавая пасть,
Лапы проворны и когти
остры,
Песочная масть,
Пристальный взгляд и
поджарый зад,
Уши торчком.
Корм им не нужен —
догонят ужин
Одним прыжком
Ночью в глуши, в
тревожной тиши...
Они далеко.
Очень давно за молоко
Воля навек отдана.
Но тот жирный кот,

Хоть в холе живет,
Ее не забыл. Вот.

13. НЕВЕСТА–ТЕНЬ

Был некто, и жил он совсем
один,
А время текло, как сон.
Недвижим и нем сидел
господин,
И тень не отбрасывал он.
Под звездами лета, под
зимней луной
Совы кружились в тиши
И чистили клювы, любясь
собой,
На том, кого камнем сочли.

Но в сумерках серых
пришла госпожа

В сером просторном
плаще,
И встала пред ним, и
стояла, дрожа,
С цветами в пышной косе.
Тут чары сломал он,
вскочил и сжал
Деву, и так затих.
А плащ раздулся, темнее
стал
И тенью окутал их.

С тех самых пор позабыла
она
И лунный и солнечный
свет,
В глубь от мира ушла
навсегда,

Ни дня, ни ночи там нет.
Но раз в год, когда
открывает земля
Тайны провалов своих,
До рассвета танцуют он и
она,
И тень их одна на двоих.

14. КЛАД

Из блеска первой луны, из
юного солнца лучей
Боги создали клад песней
волшебной своей,
И серебро засверкало в
травях просторов степных,
И золото наполнило волны
бурных потоков седых.
Прежде, чем гном
проснулся, дракон
расправил крыло,
Или земля обнажила
огненное нутро,
Прежде, чем вырыли ямы, в
глубоких долинах лесных

Жили древние эльфы,
хранители чар колдовских,
И дивные вещи творили, и
нет их в мире ценней,
И пели, когда создавали
короны своих королей.

Давно те песни замолкли,
свершился суровый рок,
Цепи их заглушили, пресек
их стальной клинок.

Алчности в темных
чертогах чужды песни и
смех,

Трясется она над
богатством, что копит в
тайне от всех,

Валит изделия в груды из
золота и серебра;

Тем временем эльфов
обитель стала пуста и
темна.

В гулкой черной пещере
жил старый—престарый
гном,

Весь век просидел под
горою над золотом и
серебром.

С молотом и наковальней
расстался он только тогда,
Когда от вечной работы
высохла в кость рука.

Чеканил одни лишь монеты
и звенья богатых цепей,
Надеясь, что купит этим
могущество королей.

Но слух его притупился, и
зрение он стал терять,
И скоро гному осталось
лишь камни перебирать.
Губы его посерели, и все
же в улыбку ползли,
Когда меж скрюченных
пальцев алмазы на пол
текли.
За стуком их не расслышал
тяжкой поступи он,
Когда у реки приземлился
юный свирепый дракон:
Огнем дохнул сквозь
ворота, от сырости стылой
ярясь,
И кости гнома упали
пеплом в горячую грязь.

Под голой серой скалою
жил старый—престарый
дракон,

Сверкая от скуки глазами,
лежал в одиночестве он.

Юность давно умчалась, и
пыл свирепый остыл.

Сморщенный и
шишковатый ящер в изгибе
застыл

Над кучей сокровищ,
направив к ним думы, и
зрение, и слух;

За многие, долгие годы
огонь в его сердце притух.

В скользкое брюхо
вдавились камни

бесценной броней,
Запах монет вдыхал он и
блеск освежал их слюной,
Все ценности, что
хранились под сенью
обширных крыл,
Помнил с первой минуты и
ничего не забыл.

На жестком ложе вздыхая,
дракон о ворах помышлял,
И в снах своих
беспокойных нещадно их
истреблял:

Теплое мясо глотал он и
кровь горячую пил...

Довольный сквозь дрему
собою, уши змей опустил.

Звон кольчуги раздался, но

дракон не слыхал,
Как юный отважный воин
вызов на битву кидал.
Зубы — кинжалы у змея, а
шкура тверда, как рог,
Но полыхнул в подземелье
яркий заветный клинок.
Вскинулся ящер, и тут же
свистнул жестокий удар,
Тело рассек и мгновенно
век старика оборвал.
Сидел на высоком троне
старый—престарый король,
Грел бородою колени,
слушал суставов боль.
Ни песни, ни вина, ни
яства его развлечь не
могли:

К тайному подземелью
мысли его текли,
Где в сундуке огромном под
низким сводом лежат
Золото и алмазы, с боем
добытый клад.

Дверь того подземелья
засов железный держал,
Проход к той двери
тяжелой один лишь
владыка знал.

Слава его угасла, и суд
неправеден был,
Мечи его приближенных
долгий покой затупил.

Замок пустеет, ветшает,
запущен дворцовый сад,
Зато под рукой королевской

хранится эльфийский клад.
Не слышал рогов он
раскаты на перевале в
горах,
Не чуял запаха крови на
смятой траве в степях...
Замок его полыхает,
рыцари все полегли,
В холодной глубокой яме
свои он окончил дни.

Лежит в глухом подземелье
древний—предревний клад,
За всеми забытой дверью
ничей не смущает он
взгляд,

К этим угрюмым воротам
смертных следы не ведут,
На старых могильных
курганах травы забвенья
растут.

Мертвых сон не тревожат
трели птиц в вышине,
Дует соленый ветер в
чистой небес синеве,
Дует над темной горою, где

Ночь хранит древний клад,
Пока круг времен
завершится и эльфы
вернутся назад.

15. ЗОВ МОРЯ

У моря я шел и в прибое
нашел

Как звезду на мокром
песке

Белый рапан, что морем
шуршал,

Трепеща в моей мокрой
руке.

Его я качал и гул пробуждал
В его глубине. Буй
печальный

Плясал на волне, и зов в
тишине

По волнам шел, слабый и
дальный

И лодка плыла, пуста и
сера,
В приливе несла ее ночь,
"Ждать больше нельзя!
Уйти нам пора!"
Я крикнул: "Неси меня
прочь!"

Средь водной пыли в
туманной дали
Неслась она, словно во сне,
На берег забытый, пучиною
скрытый,
К темной чужой стороне.
И мокрый рапан на зыби
плясал
И звал, и звал в никуда,

На тайных клыках в приборя
волнах
Ревела, кипела вода.
Пески мерцали, и сетью
сияли
Звезды в пучине морской,
А скалы стояли и влажно
сверкали
Пеной под бледной луной.
Прибрежный песок сквозь
руку потек

Пылью бесценных камней -
Цветенье коралла и звуки
опала,
И песнь аметиста в ней.
Но мрачно зиял под
крышею скал

Провал пещеры грозящий.
Сквозняк подувал, паутину
качал
И гнал в темноте меня
дальше.

С холма ручеек по зелени
тек,
И свежей была вода.
Вдоль русла в стене к
прекрасной стране
Ушел я от моря тогда.
Там вечер вечный, и,
словно свечи,
Горят цветы по лугам,
И тени порхают, озера
вздыхают,
По низким их берегам

Осинки трепещут, и ярко
блещут

Кувшинки в холодной воде,
И ивы свисают, и травы
сбегают

К томной уснувшей реке.

У брода рядами листвою-
мечами

Ирисы стражу несут,
Колебя лес пик, камыши и
тростник

Тихо беседу ведут.

Птицы стонали и
причитали,

И шепот шел из пещер,

Тюлени урчали, волны
рычали,

И брызгами лед летел.
Пахло зимой. Туман
пеленой
Окутал годы мои.
Снег выпал бледный, на
берег последний
Сумерки тихо легли.
Здесь лодка ждала,
качалась одна
В приливе, кивая кормой.
Лег я на дно, и сразу легко
Ушла она в даль со мной.
По волнам плыла и
встречала она
Мертвые корабли.
Большие суда шли мимо
всегда,
Молча теряясь в ночи.

И весь долгий вечер летело
навстречу
Дальнее пенье ко мне,
И зайцы скакали, меж
норок играли,
Снегом белея в траве,
Крались барсуки, вились
мотыльки,
Сновали туда и сюда...
А музыка пела, в долине
звенела:

Там пляска веселая шла.
Но куда б я ни шел, никого
не нашел,
Одно и то же всегда:
Сиплый рожок - и ног
топоток,
Звуки бегства - и тишина.
Из трав речных и трав
луговых
Мантию сплел я тогда,
Жезл взял с собой и флаг
золотой,
Как звезды сверкали глаза.
Увенчан цветами, я встал
на кургане
И громко и грозно воззвал:
"Зачем вы молчите? Зачем
вы бежите,

Куда бы я не шагал?
Я здесь король! И край этот
мой!
И ирисный меч в руке!
Эй, появитесь! Ну
покажитесь!
Иль хоть ответьте мне!"

Тут туча пришла, плотна и
грозна,
И в черноте я пополз,
Как крот слепой, с
согбенной спиной,
То руки в землю, то нос.
Корявый ствол во мраке
нашел,
Сучья голы, мертва листва.
У старых корней на год и

на день
Остаться пришлось мне
тогда
Под уханье сов, в
сплетении снов.
Трухой шелестели жуки,
Здесь ветви висели и
смутно темнели
У ног моих дождевики.

Но вечной мглы нет,
забрезжил рассвет -
И стала видна седина.
"Я должен идти и море
найти,
Хоть дорога мне не ясна!
Я очень стар, себя потерял,
Позвольте продолжить

путь!"

Ветер рыдал, лохмотья
срывал,

И тьма нагоняла жуть.

Руки дрожали, ноги устали,
И старость гнула к земле,
Дождь бил в лицо. Вдруг
запах его

Принес весть о море ко
мне.

Окна закрыты, и двери
забиты,

Дорога пуста предо мной...
Встретил лишь дождь... Я
выбросил прочь

Все, что унес с собой:

Горстку песка и белый

рапан,
Мертвый теперь и немой.
Он умолк навсегда. не
видать никогда
Мне берег земли дальней
той.
С тех пор я брожу, как
нищий, кружу
По тропам в своей стороне,
Сам себе бормоча, ибо
молчат
Те, кто встречаются мне.

16. ПОСЛЕДНИЙ КОРАБЛЬ

Фириэль проснулась, к
окну подошла,
Смотрит в серый и хмурый
рассвет.

Резок и звонок крик петуха,
Смутны тени и смутен свет.
Темной стеною деревья
стоят,

Но листва их еще не видна.
Ветер холоден, кроны едва
шелестят,
Щебет птиц, а за ним
тишина.

Недвижна дева, как образ в
окне,
Но вот длинный луч
побежал
С вершушек древесных к
росистой траве
И искрами в ней засверкал.
Скользнули тут стройные
ноги к дверям
Мелькнули по лестнице
вниз,
Летящей походкой по
мокрым лугам
Ступали средь радужных
брызг.

Камнями горел девичий
убор,

Когда та спустилась к реке
И стала у ивы, направив
взор
На рябь в бегущей воде.
С ветки сорвался синий
удод,
Нырнул и вспорхнул опять,
Кувшинки неспешно вели
хоровод,
Тростник стал о чем-то
шептать.

Вздыхали пряди волос на
плечах,
И в утреннем свете
мерцало
Ее отражение в дрожащих
струях...

Вдруг пенье вдали
зазвучало.

Тихим эхом светлый
хрустальный звон

И хор голосов молодых,
Звуки флейты и рокот
струн,

Печальный прозрачный
мотив.

Оставив смертным землю
разлук,

Средиземье мы покидаем.

Над родиной эльфов
плывет чистый звук,

Там колокол с башни
вещает.

Здесь вянет трава, облетает

листва,
Луна и солнце хиреют.
К нам зов несется издалека
И манит нас силой своею.

Не он ли на берег привлек
тебя?"

Тут замерли весла гребцов.
"Пришедшей наша
открыта стезя.

Оставь же землю отцов.
Здесь дни твои быстро к
концу прибегут,
Лишь это тебе суждено.
Взойди на корабль!
Владыки зовут,
И есть еще место одно!"

Корабль показался на глади
речной,
Высокий нос золотился,
Лебеди плыли пред ним
чередой,
Сзади след пенный вился.
Эльфы весла держали в
руках,
Плащи серебристо серели,
И трое меж них в
королевских венцах,
Их кудри по ветру летели.

Играли на арфах и пели
они,
А весла падали в такт:
"Край наш зеленый в
душистой тени,

Где птицы весной гомонят!
Пусть золотая взойдет заря
И в ясный день перейдет!
Прежде чем хлебом одарит
земля,
Немало цветов расцветет!"

"Куда вы идете,
Прекрасный Народ?
Несет вас речная гладь
В сумерки леса, средь
тайных чащоб
Иную обитель создать?
Иль к островам в холодных
морях,
Чьи камни гложет прибой,
Жить одиноко на тех
берегах,

Где лишь чайки кричат над
волной?"

"Нет, о дева! - ответили ей,
-

Путь ведет нас последний
Прочь от ваших грозных
морей,

От западных гаваней
бледных.

Уходим навеки в родные
края

Под Белого Дерева сень.

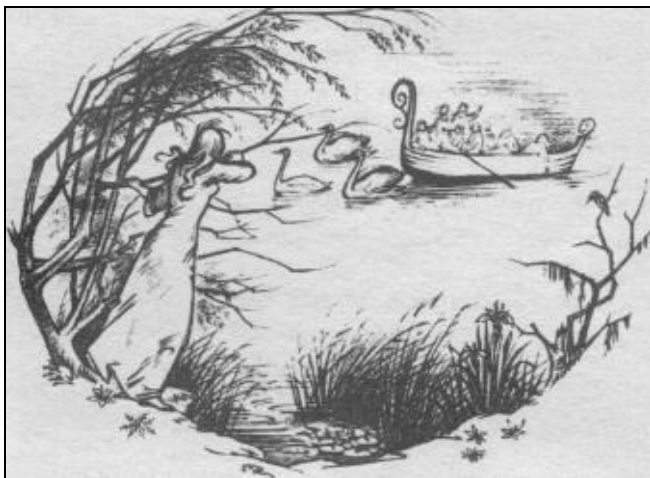
Над берегом, пеной
омытым, крыла

Простерла там звездная
тень.

Взялась за дневные дела.
Вечер пришел, и угас, как
всегда,
За морем солнечный свет...
Но больше из дома теней
никогда
Не звал Фириэль рассвет.

Время неспешной скользит
чередой,
Год за годом, за веком век.
По прежнему солнце идет
за луной
В долинах Семи быстрых
Рек,
И шепчет тростник, и
деревьев листва,
Опав, зеленеет опять.

Но эльфы ушли совсем,
навсегда,
И песням их здесь не
звучать.

notes

Примечания

Лефнуй, Мортонд–Кирилл–
Рингло, Гилрейн–Сернуй и Андуин

Имя это принадлежало принцессе Гондора, которая вела свою родословную, по утверждению Арагорна, по южной линии. Так же звали дочь Эланор, внучку Сэма, хотя имя ее, скорее всего, взято именно из этой песни. Появиться в Западном Уделе оно не могло.

Загородка — небольшая гавань на северном берегу Ветлянки за Городьбою, которая хорошо охраняется и защищена «загородью» — изгородью из кольев в воде. Брередон («вересковый холм» на всеобщем языке) -небольшая деревушка на косогоре за гаванью, что лежит в узком языке между Сенной и Брендидуимом. Близ Схода, притока Ивлянки, была пристань, от которой проселочная дорога бежала к Глубокопному и далее к тракту на Неторное Перепутье, что шел через Камышное и Склады.

Возможно, именно они—то и далт ему это имя (оно забрендийское по форме) в дополнение ко всем его более древним прозвищам.